

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Анино
счастье

Р О М А Н

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

В оформлении использованы фотографии:
© Reschme, Dasha Muller / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ранее книга выходила под названием
«Летят перелетные птицы»

Колочкова, Вера.

К61 Анино счастье : роман / Вера Колочкова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104903-4

По меркам родного поселка, Аня — счастливая женщина. Она — участковый врач, пользующийся уважением у пациентов, у нее любящий работающий муж. Однако ей надоели скучные провинциальные будни, все серо и предсказуемо, а хочется перемен. Однажды в поселок приезжает известный модельер Александр Синельников, и между ним и Аней возникает взаимный интерес. Так может быть, это шанс все изменить?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104903-4

© Колочкова В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Неприятное время года — межсезонье. Особенно межсезонье осеннее. Нет, и в самом деле! Если отбросить романтику увядания, все эти «в багрец и золото одетые леса», то что нам остается? Капризы осеннего неба, сию минуту обманчиво голубого, а через час некстати дождем заплакавшего? Смотришь на это небо с утра и не знаешь — то ли брать с собой зонтик, то ли не брать... И одеться как правильно, тоже не знаешь.

Вздыхнув, Аня с раздражением дернула вниз молнию, распахнула полы теплой куртки. Жарко. Неправильно она сегодня оделась. Благо что вызовов на участке немного, да и те в основном классические. Бабушки с гипертонией, старые баловницы, разбавляющие свое одиночество вызовом врача на дом, один мужичок с явно простудной температурой да ве-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

селяная вдовушка Маня Блинкова, любительница халявного отдыха по якобы временной нетрудоспособности. Интересно, какие симптомы она сегодня для себя организует?

Да, некогда народу нынче болеть. Народ в огородах копошится, урожай картофеля собирает. Из-за каждого забора дымок от костров стелется — ботву жгут. Это потом с вызовами на участке катастрофа начнется, после страды, а сейчас — нет. Стало быть, и ей можно слегка расслабиться, пройтись по участку, то есть по длиннющей Новослободской улице, просто так, гуляючи, посмотреть, как облетают последние листья с деревьев. Грустное зрелище, конечно. И где тут поэтическое «пышное природы увяданье», в чем, интересно, романтика-то? В лысеющих на глазах кронах, что ли? А может, в овощном натюрморте, выставленном у этих ворот якобы на продажу? Лежат на скамеечке милые оранжевые морковки, полосатый кабачок, желтая тыковка, рядом банка с солеными огурцами примостилась. Зачем, интересно? Кто все это хозяйство покупать станет? Ладно бы еще на трассе, где проезжающих машин много, а здесь, где в каждом огороде своя морковка? Станные, странные у людей развлечения. От скуки, наверное.

Анино счастье

Надо же, опять ветер подул, холодный, зараза. Как там у Чехова? Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... То есть куртку...

Наклонившись, она принялась копошиться с собачкой пластмассовой молнии, тихо про себя чертыхаясь. Сейчас так просто еще и не застегнется, в последнее время чего-то барахлить начала. Куртка — барахло, и молния на ней — барахло. И зачем только расстегивала? Жарко ей стало, смотрите-ка!

Новый порыв ветра налетел сбоку, принес с собой запахи огородного дыма и надвигающегося дождя. Довольно тоскливая, однако, смесь запахов для романтического осеннего настроения. Может, в пушкинские времена хотя бы ботву на огородах не жгли?

Справившись-таки с молнией, она подняла голову, глянула в небо. Точно, свинцом отдает. Сейчас дождь начнется, мелкий, осенний, занудливый. Придорожная пыль под ногами моментально обернется грязной жижицей, и никакого расслабленного гуляния не получится. Будет обычное шмыганье по вызовам, изо дня в день одинаковое. И еще сельский унылый пейзаж будет. С дождем, с грязью, с мокрыми серыми заборами, с брехливыми за ними соба-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ками. Пейзаж типичного для богом забытого Зауралья села Одинцово, гордо именующего себя поселком городского типа.

Нет, вот интересно-таки, какой умник нашел в этом селении признаки городского типа? В чем они состоят? В двух десятках серых блочных пятиэтажек на главной улице? В наличии магазина с парикмахерской? Или в том, что магазин гордо переименовался в супермаркет, а парикмахерская — в салон «Модница»? Нет, правда же, смешно! Как ни назовись, а все равно — село. Свернешь с главной улицы хоть направо, хоть налево, и начинается частный сектор. Ухабистые дороги, дома с палисадниками. Те, которые побогаче, выпячиваются надстроенными верхотурами с модным сайдингом, другие жмутся рядом, как бедные родственники.

Да уж, Одинцово — оно и есть Одинцово. Хотя и присутствует в сознании местных аборигенов одна чудачковатая гордость — село-то, мол, наше так же зовется, как город в Московской области! Пусть всего лишь названием, а вроде и провинциальное Зауралье к столице присоседилось! Одно время по селу даже байка ходила, как шустрый парень из местных в Мо-

Анино счастье

скву на заработки подался, да все никак в приличное место устроиться не мог. Ну, в одной фирме его и спросили — откуда, мол, приехал? Он и брякнул с гордой уверенностью — да всего лишь из Одинцово! Мол, ваш я, местный почти! И взяли парня на работу. Потом, когда взгляделись хорошенько в паспортную страничку, только руками развели. А парень, говорят, до сих пор там работает, даже карьеру сделал...

Ага, вот и дождь пошел. Кто бы сомневался. Зато аккуратно по первому адресу прибыла, Новослободская, дом пятьдесят восемь. Здесь у нас гипертоническая бабушка Подкорытова Мария Семеновна проживает. А напротив, по адресу Новослободская, пятьдесят семь, дом ее неразлучной подружки Марии Егоровны Бондаренко. Чтоб в именах не путаться, они просто Семеновной да Егоровной себя кличут. И вызов они делают всегда совместный. Если звонит в регистратуру Семеновна, то непременно и к Егоровне врача требует. На всякий случай, как говорится, до кучи...

У Семеновны дом старенький, почти в землю врос, у Егоровны получше, крепенький, как белый грибочек. И забор у Семеновны покосившийся. Калитка со старой веревочкой, как

ВЕРА КОЛОЧКОВА

в сказке — дерни за веревочку, дверка и откроется...

— Мария Семеновна, здравствуйте! Я по вашему вызову пришла, вы дома? — крикнула она в пахнущую березовым веником темень сенцев.

— Дома, милая, дома, куда ж я денусь, с давленьем-то... Давай, проходи в горницу, туточки я... — послышался из-за двери слабенький старушечий голосок.

Так. Где ж тут дверь-то? Опять забыла. Всегда теряешься в этих темных чужих сенцах. Ага, вот здесь, пожалуй. Надо рукой пошарить, ручку нащупать. Еще и под ногой что-то взгромыхнуло, ведро, наверное.

Вошла, и тут жешибанул в нос запах неприкаянного старушечьего одиночества — кухонных тряпиц, капустного варева, сухих травок и еще чего-то специфического, прогнившего, сладко-нафталинового. За печкой, в горенке, шевеление, вздохи. Бабушка Семеновна с трудом села на кровати, оправила на коленях полы засаленного фланелевого халата.

— Здравствуйте, Мария Семеновна. Ну, что у нас тут с вами происходит? Рассказывайте...

— Ой, да чего там рассказывать... — сложила старушка на впалой груди коричневые

Анино счастье

морщинистые ручки, — сама видишь, лежу вот... Утром хотела было встать, да так голову вскружнуло, что обвернулась вокруг себя и обратно на койку рухнула. А потом еще и сердце клешней прихватило. Ну, думаю, все, сейчас параликом стукнет... Хорошо еще, что телефон под рукой оказался, — кивнула она в сторону лежащего на столике дешевенького мобильного. — Аккурат я ее вчерась в розетку ткнула, чтоб током пропитался, стало быть... Если б не эта штуковина, то и лежала бы, пока не околе-ла. Со страху-то я и забыла, какие на ней пум-почки надо нажимать...

— Ну, зачем уж вы так трагически... Вы же знаете, какую таблеточку надо принять. Вон они, таблеточки-то, на столе лежат. С утра принимали, кстати?

— Да принимала, принимала... Таблетку-то я выпью, дело нехитрое, а давление мне кто померяет? А сердце послушает? Если я старая, так уж и врача домой позвать не могу, что ли?

— Конечно, можете, Мария Семеновна. И правильно сделали, что позвали. Сейчас и давление померяем, и сердце послушаем. Не волнуйтесь. Скажите-ка лучше — картошку на огороде сами вчера копали?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— И-и-и, милая... А кто ж мне ее выкопает, коли не сама? Не в земле же на зиму ее оставлять! У меня ни деток, ни внуков нет, все сама... Это вон к Егоровне понаехала в прошлый выходной целая орава родни да и выкопали в один присест. А я все сама. Вчера целый день на огороде и прокорячилась, и все в наклон...

— Что ж, понятно...

Действительно понятно. Перетрудились бабушка. Систолическое до двухсот двадцати скакнуло, да и нижняя граница не лучше. И таблетку наверняка не выпила, вон блистер-то нетронутый лежит.

— Мария Семеновна, вы точно с утра таблетку принимали?

— Да я, ты думаешь, упомяну, что ли... Может, принимала, а может, нет. Ну, хочешь, давай сейчас приму...

— Давайте. А я вам воды принесу, чтоб запить.

— А может, лучше чаю попьем?

— Нет, спасибо, в другой раз.

— А чего у меня с сердцем-то? Послушала, и не говоришь ничего.

Анино счастье

— Да в общем, ничего страшного. Аритмия есть, конечно... Но ничего, терпимо.

— Значит, грыза у меня нет?

— Какого... грыза?

— Ну, как это у вас по-умному называется... Когда нам, гипертоникам, совсем худо бывает. И голову болью грызет, и сердце грызет. В прошлом разе, когда Егоровне так же вот поплохело, сказали, грыз у нее...

— Ах, криз... Да нет, ничего, я думаю, все у вас обойдется. Вы полежите денек-другой, с постели не вставайте. И про таблетки тоже ни в коем случае не забывайте, хорошо?

— Ладно, ладно... А от чаю-то зря отказалась. Он у меня вкусный, с травками. И всякие печенья с мармеладами у меня есть, я в воскресенье до магазина сходила.

— В другой раз, Мария Семеновна. Меня больные ждут.

— Ага, ага... Ты вот что, милая... Ты, когда к Егоровне пойдешь, скажи ей, чтоб ко мне попозже заглянула. Скажи ей, что я, мол, вся прямо насквозь занемогши. Скажи, совсем почти померши. А то мы позавчера с ней повздорили маленько...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— И потому вы ей тоже врача на дом вызвали?

— Ну а как же... Себе вызвала, и ей тоже. А чего зазря телефон дважды-то теребить? Ты зайди, зайди к Егоровне, с тебя не убудет!

— Конечно зайду, если вызвали.

— Ага. И сказать не забудь, что я вся насквозь больная!

— Скажу, Мария Семеновна. До свидания. Выздоровливайте.

— Да ладно, иди уж...

Пустое ведро опять гроыхнуло под ногами, пока она копошилась в темных сенцах. На улице по-прежнему моросило, и во дворе дома под этой моросью было как-то особенно неуютно. Мокрая жухлая трава, мокрая крыша завалившегося деревянного сарайчика. Лишь несколько астрочек, рассеянных у покосившегося забора палисадника, стойко таращили влажные цветные головки, словно отделяли себя от фона природного и человеческого увядания. Да, жалко, конечно, бабушку Марию Семеновну. А с другой стороны — что делать? С осенью, как и со старостью, не поспоришь...

Железная калитка во двор Марии Егоровны была задраена напроць, ни веревочки тут не

Анино счастье

было, ни другого какого приспособления, чтоб открыть с улицы. Пришлось стучать. Сначала костяшками пальцев, потом кулаком, потом и каблуками ботинок наддать.

— Да слышу, слышу, кто там такое хулиганство развел среди бела дня... Иду, не чуете, что ли? — слышался наконец недовольный сипловатый голос с другой стороны.

— Мария Егоровна, это я, врач из поликлиники, я по вызову к вам пришла!

Что-то звякнуло с той стороны калитки, и она со скрипом отворилась, явив удивленное мясистое лицо подружки Марии Семеновны.

— Это по какому такому вызову? Ты, милка, поди, попутала чего?

— Да ничего я не попутала! Это ваша соседка, Мария Семеновна, вам вызов врача организовала. А мне что, я обязана, если вызов поступил...

— Ахти, окаянная! Да кто ж ее просил-то? Хоть бы упредила заранее, что ли... Ты уж извини, милка, мне вроде как и без надобности...

— Что значит без надобности? Хотите, чтобы я ложный вызов оформила? — сказала Аня с невольным раздражением, отчего полное лицо старухи вдруг поплыло в испуге.